
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. ПЕРЕВОДЫ

Ирина Денисова
(г. Витебск, Белоруссия)

ТЕМА ДЛЯ ЯНТ(В)АРЯ
(глава из книги)

Родилась в 1977 г. Живет в Витебске. Стихи пишет с 5 лет. Состоит в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь» с 2000 года. Победительница литературных конкурсов на радио «Витебск» и Белорусском ТВ. Публиковалась в журналах «Немига литературная» (Минск), «Метро» (Нью-Йорк), «Западная Двина» (Минск), в газете «Forward» (Нью-Йорк), а также в антологиях «Современная русская поэзия Беларуси» и «БЛС «Полоцкая ветвь»». Автор книг стихов «Равноденствие», «Фотопленка», «Равноденствие».

1

Я уже говорила, все точки над «ё»
Надо было расставить, при этом буквально.
Я хочу к тебе, трудное счастье моё,
Виртуально и, судя по тексту, реально.

Я уже говорила, что новой главы
Есть название, только не водится тело.
От мизинца стопы до волос головы
Янтарем эта осень в твореньях желтела.

2

Невольная ложь не является ложью,
ты в ней признаешься, тем более если.
В своем бездорожье мы стали дороже
друг другу и даже как будто воскресли.

Пропавший без вести в объятьях замечен,
на фоне разрухи в невольной мольбе.
Так много всего, а вот сравнивать не с чем,
откуда мне знать... я купаюсь в тебе.

3

Прости, это кажется принципиальным...
Уйду по-английски, по-лиси лизну.
Мой бог оказался таким пунктуальным,
Внедря в небрежность свою новизну.

Стихи остаются как летопись чувства,
Как звукопись мысли, как просто слова.
Искусство во имя опять же искусства...
Спаси этот мир, если я не права.

4

Чуть-чуть кофеина, вина пару капель,
Ночное дежурство, заточенный скальпель.
Здесь нет аргументов, не водятся факты,
И нам остается короткое «Как ты?»

Но нам достается просторное «Где ты?»
Деревья под осень без меры одеты.
И все так буквально: троллейбус «четверка»,
А вместо заставки тот снимок Нью-Йорка.

5

Раскрошена болью до крика, до злобы,
Линяют цвета, но по-прежнему едки.
Когда бы ты знал, мне, конечно, везло бы,
А так достаются сплошные объедки.

Мне мякоть надежды — от корок до корок,
На небе времен — улетающий лайнер.
Еще посижу, тут всего лишь ноль-сорок,
В своем бестелесном интимном online-е.

6

Мы оба нуждаемся сами в себе,
В бесцветии будней опять запятая.
Наш бог предается своей же мольбе,
Пути человечьи в один заплетая.

И жизнь продолжается — только не так,
Мы платим за то, что глупы и всеядны.
Любовь благотворна вовнутрь натошак,
Ее навигатор — клубок Ариадны.

7

Ты с городом этим и не был знаком бы...
Но музыка — сила, религия, воздух.
Спустись осторожно в его катакомбы,
Пиши свой маршрут на гостиничных звездах.

И мало ли что по ту сторону скважин:
Продрогшие сны, обнаженные ноты.
Тот город любим и мистически важен,
И держишь в ладонях его все равно ты.

8

Но не важно — кто был, а еще не важнее — кто не был,
Я останусь одна, я измерю духовностью прибыль.
Упаду в синеву океана ль, роскошного неба ль,
Обретая свободу полета ли, пластику рыбы ль.

Второпях исключу из статистики странные даты,
Я исполнила долг пред собой: материнский, дочерний.
Мне важней, когда я... когда мы... а точнее, когда ты...
Гравировка на золоте лет, каллиграфия черни.

9

Точка встречи — незримая вывеска,
Память места, дыхания, стен.
После Витебска хочется... Витебска,
Город вечером — пряный шатен.

Я стою на вершине трапеции,
Дальше — некуда, ниже — нельзя.
Старой музыки спелые специи
Тут витают, по телу скользя.

10

Но что мне тебе рассказать... ты все знаешь, в итоге.
Не боги горшки обжигают — а может, и боги.
И ходят они по земле, мастера и пророки.
И музыку пишут они, и великие строки.

Их жизнь пересекают вагоны подобно удавам.
Дыханьем согретое утро и фраза «Куда вам?»
В своем пресыщенье пути, все вершины пологи.
Но что мне тебе рассказать, ты все знаешь... в итоге.

11

Обычная ночь в пожелтевшем серпене,
Мой мир разрезает твоя пирога.
Но есть прилагательные без степени:
Желанный, родной... как и чувство бога.

Мне быть молодой с обретенным опытом,
Чужою считаться в своем же племени,
О главном кричать, но все чаще шепотом.
Но есть существительные без времени.

12

Две ниши рук для вечности пиалы,
С тобою — вкупе и одна — в купе.
В Санкт-Петербурге есть инициалы,
Есть звук произношения: «эс-пэ».

Я падала в пространство этой боли,
Я видела луч света в толще вод.
К тебе ли... о тебе ли... и с тобой ли...
Есть таинство предчувствия: вот-вот.

13

Но меня не отпустит осеннее чувство,
Я уже не придумую новой идеи.
Я — то место, которое свято и пусто,
Как не сорванный кем-то цветок орхидеи.

Если все хорошо, почему же так гадко,
Я просила одна, может, вместе попросим?
Я живу без претензий на статус «загадка»,
Обострение чувств. Просто путь. Просто осень.

14

Он был, как и все: местечковая знать,
Вознесся до крыш, сам себя опроверг.
Есть люди, которых достаточно знать,
Встречать наяву в предпоследний четверг.

И чувствовать: жизнь обретает свой вкус,
О прошлом и будущем разом забыть,
Являться свидетелем тайных искусств.
Есть люди, которым достаточно быть.

15

Исправлено. Верить. Друг другом и богом любимы.
Кофейня. Часовня. О чем-то напрасно скорбим мы.
Постскриптум. Постфактум. Обида в последней из толик.
Как праздник. Как символ. Всегда забронирован столик.

В свободе. В полете. У лучших времен под прицелом.
Проснуться. Остаться. Единым единственным целым.
Закреть. Опечатать. Преступных намерений двери.
Подарки от собственно жизни. Исправлено. Верить.

16

Все эти вещи сегодня просты и покаты,
Богу о планах сказала — да он не смеется.
Я воплощаю проекты по списку пока ты
Бережно греешь в ладонях уставшее солнце.

Что-то сгорело в огне этих странных пожарищ,
Что-то осталось в стихах и стоит обелиском.
Ты мне напомни о том, что он — лучший товарищ,
Город, в котором так много о важном и близком.

17

Так странно выстраивать схемы прелюдий,
Где точка отсчета — практически, старость.
Но мы до взаимности разные люди,
Нам вся эта жизнь по наследству досталась.

Но этот ноябрь до приличия зыбок,
Мы взглядом друг друга гуманно пронзаем.
Спроси о погоде двух маленьких рыбок,
Их свет очевиден, велик, осязаем.

18

Там все как обычно: эмоции скобок,
Иллюзия форм, имитация чувств.
И два фотоснимка, как прежде, бок о бок,
Как будто родство и контрастность искусств.

А я попрошусь на престол середины,
По праву рожденья без меры нагой.
Тут выбор нелеп, компоненты едины,
И каждый ни хуже... он просто другой.

19

В своей очередности следуют вторники,
Моя нагота под прослойкою свитера.
Поэзия — формула экстрасенсорики,
Где главный не разум, а все-таки литера,

Пришедшая от моего собеседника.
И боль отступает, испуганно пятится,
Мы вместе с посредником и без посредника...
В своей очередности следуют пятницы.

20

Сложные мысли случайно распороты,
Где моя радость, создание богово...
Я отпускаю сомненья, коль скоро ты
Спустишься в снов невесомое логово.

Сделаю громкость молчания тише я,
В емкости тела — духовное варево:
Новый виток одного восьмистишия,
Тема для чувств, врачеванье январево.

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

АФРИКАНСКАЯ НОЧЬ

Наш постоянный автор. Лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Страшный грохот разбудил меня среди ночи. Встревоженный, я сел на кровати, пытаюсь разобраться, что такое происходит и где нахожусь. Несколько мгновений я был нигде, но потом, как фотоснимок при проявке, в сознании постепенно проступило: берег Мозамбикского пролива, межсезонье, гроза. Бесперывно гремевший гром оглоушивал, ослепительные молнии каждую секунду вспыхивали то справа, то слева. Казалось, что циклопический черный боксер нещадно колотит меня по голове. Пошатываясь, я добрел до окна и с опаской взглянул на разгул стихии.

То, что я увидел, было чудовищно. Ливень низвергался с неба безостановочно и обильно. Как говорят про сильный дождь? Льет как из ведра? Стоит стеной? Довольно точные выражения, однако в них изначально заложена семантика конечности осадков: вот выльется — и перестанет, вот пройдешь стену воды, а там сухо. Тропический дождище заставляет искать новое отношение этому явлению природы. Больше того: он, пожалуй, имеет собственную точку зрения на окружающие явления. Он не вписывается в известные мне системы координат, но сам становится системой и точкой отсчета, так что мне следовало не живописать его, используя скромный человеческий опыт, а приспособливаться к его существованию.

Про этот дождь нельзя было сказать, что он шел — он изливался, как небесная река. Он просто присутствовал в мире, бытовал каждой своей каплей, наличествовал, выполнял свое предназначение, замещая то, что еще оставалось в мире сухим, влагой. Он пришел всерьез и надолго. Он разворачивался во времени и пространстве.

Под потоками этого колоссального дождя даже небольшой бассейн за моим окном шумел, подобно океану. Пальмы склонялись к земле, болезненно качая кронами, как будто от контузии. Несколько кокосов упало на землю с нехорошим стуком, словно головы казненных с плахи.

Раскаты грома торопили, подталкивали друг друга. Они выстроились в очередь, как ораторы на митинге великанов, им не терпелось высказаться, пока открылась вдруг такая возможность. И высказывались они не то чтобы грубо, а просто-напросто нецензурно.

При каждой вспышке молнии встревоженные тени домов и деревьев в испуге шарахались в стороны, пытались сбежать из жестокой яви в другую, эфемерную реальность, но вспоминали, что им этого не дано, и затравленно замирали на миг, чтобы с очередным разрядом вновь в тоске метаться по округе. Молнии накладывались одна на другую, отчего картина мира непрестанно менялась, превращалась из картины в мозаику, казалась пластически подвижной, текущей вместе с дождем.

Космос и хаос боролись у меня на глазах. Представлялось, что в таком борении некогда создавалась наша планета и, возможно, десятки других планет. Вот только обитаемой оказалась одна из них, та, на которой найдется существо, способное описать борьбу космоса и хаоса.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ОБРАТНУЮ СТОРОНУ ЛУНЫ

1

Голова весом с гирю,
Что тянет на 32 кэгэ.
Ну и голова!
Не поднять, не взглянуть на мир.

А существует ли это понятие — «мир»?
Мир существует, иначе не было бы головы.
Она — голова всему этому миру.
Однако не поднять ее, не взглянуть
На то, чему она голова.

Каждое ухо весом с нос. А нос весом с мозг.
А мозг весом... Это уму непостижимо.
Но помнится, мозг разделен на два полушария,
И оба пропитаны земным весом.

Каково? Земным! И это мне надо?
Я — луножитель, Господи!
Голова — весом...
Ухо — весом...
Нос — весом...
Мозг — весом...
И любая извилина — весом...

Земные люди, чтобы не пребывать
В столь весомом состоянии,
Пьют капустный рассол, а потом пиво.
А неземные — должны возвращаться домой,
На обратную сторону Луны,
Где все же полегче.
Там — рай, до недавних времен сокрытый от земного ока.
Но сейчас — в эру облета Луны —

Вполне различимый с борта космического корабля
Даже в примитивный телескоп Галилея.
Это я и пишу в своей памяти золотым пером Паркера,
Весом с противотанковую винтовку.
Пишу, полагая, что эвакуация — лучшая альтернатива для рая.
Не то человек прилетит и... Каин опять убьет Авеля,
И пойдет, пойдет, пойдет, пока не разразится в рай потоп.

Стартер и взлет. Небо. Скорость. Звезды.
И вот она, невесомость.
Головы будто нет. Мозга будто нет.
Памяти нет. И мысли отсутствуют.

Благодать!

2

Ну, что с того, что смерти нет.
А жизнь? Как будто в настоящем...
И пульс в секунде бьется чаще,
Все чаще-чаще, и — рассвет!

Какое счастье — тьма небрежна:
В конце туннеля виден свет.
Ну, что с того, что смерти нет,
Когда есть жизнь, и с ней — надежда.

Ну, что с того, что смерти нет.
Передохнуть, переиначить.
Начать все заново — чудачить,
Беситься, будто уйма лет

За горизонтом, там, где в круговерти
Познание, мысль и кругозор.
А смерть... Что смерть? Ату ее до смерти!
Пусть будет недоступна, как и горизонт...

3

На перепутье дней и мнений,
Когда разброд и разнобой,
«Ау!» Шарахаются тени,
Летят по лестницам гурьбой.

Рассудок лопнет от напряжения,
Перевернув знакомый мир,
Внутри Москвы изыщет «Прагу»,
В Берлине «Ригу» и «Памир».

Где человеки? На мгновенье
Мне представляется: вон там!
Но тянутся на выход тени.
А люди? Люди — по домам.

4

Истина на бумаге. Рядом с красным вином.
Добрая тетя дарует наследство.
Сколько по свету пройти суждено,
Только не выйти, не выйти из детства.

Сколько по свету пройти суждено,
Помнишь про шкаф, где упрятан покойник.
Пятый этаж, коридор и окно...
И очень удобный за ним подоконник.

5

Трепет непознанной мысли,
хлеба кусок в котомке,
капли летят с карниза,
устраивая гонки.
Кто и когда осудит?
Нет измерения истины.
Что было, то будет — забудет,
покроет осенними листьями.
Ранней весной проклонется —
где болью, а где утехой,
и выйдет в дорогу улица,
очищенная от снега.

РОССИЯ: ЗАБЫТЫЕ ПОЛУСТАНКИ

Файвишу Аронесу (1897, Двинск — 1982, Тель-Авив) — знаменитому еврейскому актеру, узнику ГУЛАГа сороковых-пятидесятых годов минувшего века.

1

Полустанки — останки судьбы.
Неприметны погоны за лесом.
Вырастают гриппозно грибы
на покрытых плесенью рельсах.

2

Умирает таинство грез.
Под реалии строится склад.
Кочевой, вдоль дороги, погост —
груды камня, шпал и лопат.

3

А в раю, а в раю — повернитесь
да узрите, коль зрячи глаза.
А в раю, а в раю снова витязь
Подпирающий небеса.

4

Все валяют дурака
и — надежно.
Выпрямляется строка —
непреложно.
Подопри ее плечом,
добавь смысла.
Наше кровное чутье —
коромысло.
Покачнулось — смочен снег.
Оступился — крик: «Не смей!»
А шаг в сторону — побег.
А два шага — смерть.

5

Отоварились сполна
звезды ночью.
Крошкой сеется луна —
многоточье...

6

Утомленный человек
превозмог разбойный век.
И садится за верстак —
просто так...
А иначе недород,
мор, тоска и укорот,
и похмелье с горя.
Застрекочет пулемет,
и — разгул заезжих рот
и — Содом — Гоморра.

7

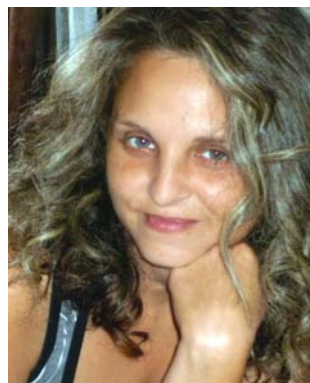
Полустанки судьбы.
Лишь слепцы различат их на ощупь.
Не признать соляные столбы
в полковых построениях рощи.

8

Жили-были... дожили...
А шпалы —
неразборны,
грудами у рельс.
А над ними —
то ли дятел, то ли кайло:
стук морозный
убегает в лес.

Детелина Стефанова
(с. Поликраище, Болгария)

БЕСПОКОЙСТВО

*Детелина Маринова Стефанова родилась в г. Велико Тырново в 1971 году. Печата-
лась в газетах Болгарии: «България сега», «Ретро», «Уикенд». Член творческой
литературной группы «Асен Разцветников» города Горна Оряховица. Живет в
с. Поликраище.*

НЕ ГОВОРИ

Не называй игру любовью —
ты не пришелся по душе.
Зачем садишься к изголовью —
не будет рая в шалаше.

Не говори признаний страстно:
в твоих словах — ледышек лед.
Пора понять — твой труд напрасен,
уйдешь легко, и все пройдет.

Не можешь врать и быть любезным.
Нет, ты сегодня не поймешь:
пришел, как тот осенний дождь,
сырой, холодный и помпезный.

СЛЕЗА СКУПАЯ

С чего это вдруг приключилось,—
плохого никто не сказал —
по бритой щеке покатилась
скупая, мужская слеза.

Сжав зубы, они научились
ком в горле сглотнуть и молчать.
А что с человеком случилось
не каждый сумеет понять.

Мужчины не плачут случайно,
зубами утраты зажав.

Хранит седина горечь тайны,
молчать обязует Устав.

ТИШИНА

К вам однажды придет тишина.
Не пугайтесь такому приходу,
пробудившись от легкого сна
в час полночный, или в час восхода.

Тишина не умеет молчать
и сокрытые тайны откроет.
Не пугайтесь, учитесь внимать —
собеседников только лишь двое.

Ни потери глухой, ни вины.
Тишина — обретенье покоя.
Дай-то Бог, не познать тишины
словно выстрел: «Готовиться к бою!»

Тишина говорит и молчит.
Вам с небес посылается скит.

БЕЗ МЕНЯ

Без меня безотрадно и пусто.
Звезд на небе в ночи не сыскать.
Солнце будет других согревать:
день пришедший покажется тусклым.

Без меня сменят краски закаты,
и тревога не стихнет в крови.
Ничего, никого не зови,
и себя не считай виноватым.

Без меня и в душе, и в природе
грустных песен печален мотив.
Надо жить. Отыскать позитив
и не верить в прогнозы погоды.

Никому не ищи оправданий:
жизнь прекрасна, щедра и полна.
Лепестками осыпет весна
наших улиц ночные свиданья.

НЕЖНОСТЬ

Вам нежность по плечу.
Я вовсе не шучу —
что ни строфа — любовь,
бессонные мученья.

Листы сжигает страсть.
И как здесь не упасть
коленими на пол
в порыве исступленья.

...В корзине нет цветов.
Емеля — пустослов.
В табачной дымке — рай,
и нет стихотворенья.

БЕСПОКОЙСТВО

В наши чувства других не пускай.
Сорняки. С ними сладишь едва ли.
До всего дело есть. Невзначай
что-то, где-то услышать, добавить,

перевернуть то, чего вовсе нет...
Отвергай показное участие:
им бельмом на глазу наше счастье,
в черной саже Божественный свет.

Их услужливость — льстивый обман,
для влюбленных сердец неприметен.
Упоительный, сладкий дурман
полон страха и холода смерти.

Милый мой, так и знай, так и знай —
в наши чувства других не пускай!

БУДТО ВЧЕРА

Лебеди плыли белые —
наши мечты.
Две половинки целого —
это все мы.

Судьбы сплелись, сроднились —
все пополам.
Кто-то сказал, «влюбилися» —
видимо, нам.

...Будто вчера. Ты помнишь ли
свет моих глаз?
Жизнь из огня да в полымя
бросила нас.

БОБЫЛЬ

Поживал себе и не тужил.
Ни любви не знавший, ни обиды,
что имел — и тем не дорожил,
зрячим был, да мир вокруг не видел.

На исходе долгая зима.
Холодно. И муторно, и смутно.
И в душе, что в склепе, тишина
час полночный делит на минуты.

До утра, как видно, не дожить:
без тепла окно обледенело.
Как зима, уходит тихо жизнь,
коченеет старческое тело.

Пер. члена Союза писателей-переводчиков Алексея Селичкина, г. Калуга.